

ЦЕЛИНА

1.

Ты в Повести лет временных не найдёшь
такого сюжета. Газетный галдёж,
пен-пашер копает и роет,
целинные косточки моет.

Хлыщ пишет, нужды не выдавши: «Всё зря...»

Пахали ночами при фонарях,
сморённые падали, спали на ней,
на пашне, в клешнях омертвелых корней.

Ты сам-то в Москве жировал, словоблуд,
конфетки, баранки, обед из трёх блюд.

Не пробовал жить на картошке одной?

Травой набивать себе брюхо весной?

Водянкой болеть, пухнуть с голодизны?

Здесь хлеба не видели с самой войны!

Татарник молчит и безмолвен ковыль,

споём на ветру про целинную быль,

пшеница и рожь! И зерном упадём,

пусть вечность зальёт нас

библейским дождем.

2.

Затёрлась страница имперской страны:

В косматой траве горизонт целины,

над трактом летит, гогоча, дикий гусь,

по тракту бежит, тарахтит «Беларусь»,

он синий, в большую резину обут,

течёт по обшивке «эм сорок» — мазут

коричневым мёдом, на целик свернул,

плуг лязгнул — и землю ножами узнул,

кромсает рубаху земли всю в цветах,

с утячьми гнёздами, с горсточкой птах!

Изба стояла на краю деревни —
в степи алтайской, у пупа Земли,
напротив — хлев, в углу большие дровни,
как раз мы дверь открыли и вошли,
и с криками: «Корова отелилась!»
телёнка быстро в избу понесли.

Изба была бревенчатой, простой,
Сгореть в огне боялась,
Через трубу печную
она соединялась с небом,
им дышала, лишь открой задвижку,
все звёзды знала и читала судеб книжку.

Телёночек Январь родился
январским ясным днем,
из сенок холодом тянуло мятным.
Он рыжим был, мелькали пятна,
как солнечные зайчики на нём!

В избе он с нами жил, в углу прихожки,
Туда-сюда шагал, скользили ножки
и копытца
скоблили половицы.

Поили с братом мы его обратом,
Стелили сено чистое в углу,
Однажды он ведро перевернул,
кот ликовал, лакал телячий ужин.
И плакал брат:

— Январушке теперь какой найдем мы ужин?
Ой-ой! Промок телок!
Скорее ставь под струйку котелок!!
Да не спугни, да в лужу не ступи!
— Январь, Январушка! — его мы звали,
глаза смолой сливовой отливали,
их укрывала хвоя рыжая — ресницы,
когда он спал.
Сибирской ночницей ночь влетала:
— Спать! Вам спать пора!
Мороз пролазил в избу, в брёвна лез
сквозь щели с треском,
а печь в углу, как тёплая гора,
укрыла нас за красной занавеской.
С полена мёрзлого сполз снег водою талой,
душа телёнка улетала,
и, возвращаясь, с нами делилась снами,
околицей, цветами и травой,
и я теленчато тянулась за левком,
мешая соки с тёплой слюной,
шла за коровой, мамой парной.

— Пора поить телка. Уж скоро вечер, —
Я говорю, трясут меня за плечи.
— Очнись! — кричат. — Взгляни на календарь,
уж нет избы, лишь тополь вместо метки,
вот, выпей-ка хорошие таблетки!

Послушно проглотив горчайший мел,
я обхитрю их, я смогу пробраться.
Январушка, позволь с тобой остаться,
чтоб ты меня,
холодную,
согрел. ❀

Разбросаны клочья, дёрн девственный снят,
поярковой шерстью весенних ягнят
упал чернозём завитками
остриженных наголо в мае ягнят,
пасутся у речки они на лугу,
я к ним побегу
потрогать, погладить, понюхать, обнять,
да только никак не поймаю.
— Стой, ягня! — Я руки тяну, он бежать
и кинулся мамку-овечку сосать,
овца — вся красавица в чёрных кудрях,
тоскливая ликом, с долиной в очах
Харанской, где любит Иаков Рахиль
семь лет, словно день за неё отбывая,
куда завели меня эти стихи,
поймала ягнёнка, держу, обнимаю.
Держу, обнимаю родной чернозём
Сибири, а если конкретней, Алтай,
точнее еще — кулундинских полей,
колхозов»Победа» и «Первое Мая».

3.

По долам ходит стадо, рукавички, носочки да шарф.
В сердце родинка
родина малая, мой кормящий ландшафт,
лук-слизун, полевая клубника, боярка, сморода,
яйца диких утей, семиглазка гектарного огорода,
пей воды сколько хочешь да ершей в Кулунде науди,
карасей, щукарей, окуней, реку неводом борозди,
да ешь хлебушка вволю — каравай и каральки,
со щавелем пирожки,
лари полны зерна ярового, снежинами белой муки.
Мой отец был целинник, в посевную он в тракторе жил,
голубых, как река в половодье, надувшихся жил
пыльный запах и пятна мазута на робе.
— Где же папка? Куда он девался? — Все, робе.
Ветер вспашку вздымал, чернозём чёрной манной летел,
в корни лёгких, в альвеолы навечно засел,
но тогда край мой дикий, заклёклый, несытый ожил,
стал он житницей, песенки джюже баские сложил.
Прииск золота хлебного он
и обочь перелесков, колков,
километрами нивы в сусальных усах колосков.
А по осени утки бегут на бурты
и гурты ребятишек осыпают пшеницей себя,
как дождём проливным, —
крупным золотом, средним золотом — рассыпным.
Целина, посылаю тебе целованье, поклон и привет,
и с отцовских медалей зерна белого свет.